

DOI: [10.14515/monitoring.2023.1.2311](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2311)

З. Ф. Ибрагимова, М. В. Франц

ТЕОРИЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Теория равных возможностей и ее применение к проблеме бедности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 46—71. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2311>.

For citation:

Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2023) The Theory of Equal Opportunities and Its Application to the Problem of Poverty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 46–71. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2311>. (In Russ.)

Получено: 20.09.2022. Принято к публикации: 21.12.2022.

ТЕОРИЯ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ

ИБРАГИМОВА Зульфия Фануровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-MAIL: badertdinova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0585-0170>

ФРАНЦ Марина Валерьевна — кандидат технических наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Института экономики и управления, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-MAIL: tan-marina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5324-2463>

Аннотация. В работе описываются основные идеи теории равных возможностей и обсуждается потенциал их применения к исследованию бедности. Анализ работ, посвященных изучению факторов риска бедности, показывает, что классификация факторов никак не учитывает их контролируемость. Кроме того, традиционно принимаемые во внимание в исследованиях по неравенству возможностей факторы, такие как образование и профессиональный статус родителей, место рождения, материальное благополучие родительской семьи, крайне редко учитываются в работах по бедности. Рассмотрение непопадания в когорту бедных как индивидуального достижения, а также анализ факторов риска бедности с точки зрения их контролируемости индивидом может существенно обогатить исследования.

THE THEORY OF EQUAL OPPORTUNITIES AND ITS APPLICATION TO THE PROBLEM OF POVERTY

Zulfiya F. IBRAGIMOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Innovation Economics, Institute of Economics, Finance and Business

E-MAIL: badertdinova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0585-0170>

Marina V. FRANTS¹ — Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor at the Department of Business Economics of the Institute of Economics and Management

E-MAIL: tan-marina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5324-2463>

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract. The paper deals with the key ideas of the equal opportunities theory and their application to the study of poverty. Existing studies on poverty risk fail to take the controllability of poverty determinants into account. Studies of poverty have underinvestigated education, professional status, place of birth, and material well-being of the parent family, which are usually tested in the studies of inequality of opportunities. Analysis of not-belonging to the poor from the perspective of individual achievement and analysis of poverty from the perspective of personal controllability of its determinants may deepen understanding of poverty roots.

Poverty research can benefit from methodology designed to study inequality of opportunities. Shapley decomposition, Oaxaca–Blinder decomposition, and

Методический инструментарий, применяющийся в эмпирических исследованиях по неравенству возможностей, также может оказаться весьма полезным при изучении бедности. Демонстрация таких методических приемов, как разложение по Шепли для измерения вклада отдельных факторов обстоятельств в общий уровень неравенства возможностей, декомпозиция Оаксаки — Блайндера для разложения общего дифференциала неравенства возможностей на ассоциативный и композиционный эффекты, а также профилирование возможностей выполнена в работе на данных социологического опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ (волна 2011 г.).

В прикладном аспекте приложение идей теории равных возможностей к проблеме бедности меняет приоритеты в борьбе с ней — помимо традиционного субсидирования малообеспеченных слоев населения обосновывается необходимость выстроить механизмы, дающие всем равные возможности в плане обеспечения собственного благосостояния на уровне, превышающем черту бедности.

Ключевые слова: неравенство возможностей, риск бедности, профилирование возможностей, социально уязвимые группы, декомпозиция Оаксаки — Блайндера, разложение по Шепли, регрессионный анализ

opportunity profiling are among them. The Shapley decomposition measures how individual factors-circumstances contribute to inequality of opportunities. The Oaxaca–Blinder method decomposes the general differential of inequality of opportunities into associative and compositional effects. The authors demonstrate the potential of these three methods using RLMS-HSE data collected in 2011.

In practical terms, applying equal opportunities theory to poverty might change priorities in fighting it. In addition to the traditional subsidization of low-income groups, the authors introduce the need of creating mechanisms that guarantee equal opportunities for everyone in terms their well-being at the level which exceeds poverty line.

Keywords: inequality of opportunities, poverty risk, opportunity profiling, socially vulnerable groups, Oaxaca-Blinder decomposition, Shapley decomposition, regression analysis

Введение

Проблема бедности остается актуальной, несмотря на длительную историю борьбы с этим явлением как на мировом уровне посредством международных программ, так и на уровне отдельных государств. В России проблема бедности резко обострилась в переходный период, достигнув 33,5% в 1992 г. С 1992 по 1997 г. уровень бедности быстро снизился до 20,8%, однако экономический

кризис 1998 г. снова привел к ощутимому росту показателя — до 29,0% в 2000 г. С начала 2000-х наметилась устойчивая тенденция к снижению уровня бедности, достигнувшему минимума в 10,7% в 2012 г. С 2012 г. снижение уровня бедности прекратилось, показатель «закрепился» на уровне 12—13%¹. Следующие практически друг за другом события — кризис на Украине в 2014 г., пандемия коронавируса и новый виток обострения на Украине в 2022 г., ухудшающие экономическую ситуацию, формируют значительную угрозу падения уровня жизни населения и нового роста масштабов бедности, что актуализирует дальнейшие исследования по этой тематике.

Повышение благосостояния граждан и снижение уровня бедности рассматривается как одна из важнейших задач в рамках обеспечения национальной безопасности, что отражено в таких основополагающих документах, как Стратегия национальной безопасности РФ и Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. В качестве основных мер по борьбе с бедностью рассматриваются развитие пенсионной системы, социальной поддержки отдельных категорий граждан и совершенствование системы социального обслуживания. В этом смысле российские власти используют базовый набор мер, апробированный много раз в мировой практике.

В своей работе мы пытаемся взглянуть на проблему бедности с необычного ракурса, а именно с позиций теории равных возможностей. Эта теория предлагает рассматривать любое человеческое достижение как результат, обусловленный двумя группами факторов. Первую группу формируют факторы, контролируемые индивидом и поэтому относящиеся к зоне персональной ответственности (факторы-усилия), вторая группа — неподконтрольные факторы (факторы-обстоятельства). С позиций теории равных возможностей, обусловленность индивидуальных достижений факторами второй группы (неравенство возможностей) рассматривается, во-первых, как несправедливость, а во-вторых, как источник демотивации индивидов к реализации своего потенциала. В связи с этим обществу следует стремиться к ликвидации или по крайней мере к уменьшению неравенства возможностей. Теория равных возможностей в исследовании широкого круга социально-экономических проблем активно применяется начиная с начала XXI века, при этом наиболее популярно изучение доходного и образовательного неравенства. В зоне эмпирических исследований сформирован обширный методический инструментарий, позволяющий оценивать неравенство возможностей с применением переменной достижения любого типа, ранжировать факторы-обстоятельства по степени их важности, «профилировать» возможности и т. д. Однако работ, рассматривающих бедность с позиций теории равных возможностей, крайне мало как в российской, так и в мировой науке. Настоящая статья направлена на заполнение этого пробела, что и составляет основную научную новизну исследования. Наша цель — продемонстрировать ценность теории равных возможностей в плане изучения проблемы бедности как на содержательном, так и на методологическом уровне. Работа построена следующим образом. В первом разделе кратко описы-

¹ Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам Российской Федерации, абсолютные значения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 05.02.2023).

вается история возникновения и развития теории равных возможностей, а также потенциал ее применения к проблеме бедности. Во втором разделе рассматриваются методические приемы, широко применяющиеся в эмпирических исследованиях по неравенству возможностей. В третьем разделе обсуждаются информационная база и методика расчетов. Четвертый раздел содержит результаты, их обсуждение и практическое значение.

Теория равных возможностей и потенциал ее применения к исследованию проблемы бедности

Теория равных возможностей сформировалась во второй половине XX века в результате развития эгалитарных теорий социальной справедливости в работах Дж. Роулза [Rawls, 1971], Р. Дворкина [Dworkin, 1981a; 1981b], Р. Арнесона [Arneson, 1989, 1990], Дж. Козна [Cohen, 1989] в результате критики эгалитаризма благосостояния. Эта теория базируется на идее о том, что индивид должен нести ответственность за то, что зависит от него самого, то есть за свои взгляды, решения, поведение, поступки. Следовательно, в справедливом обществе различия в уровне благосостояния, вызванные факторами, находящимися в зоне персональной ответственности, справедливы и должны сохраняться (принцип естественной награды). Напротив, неравенство возможностей (различия в благосостоянии, обусловленные внешними факторами-обстоятельствами) несправедливо и должно быть элиминировано (принцип компенсации).

В работе Р. Паес де Баррос [Paes de Barros et al., 2009] предложена детализованная градация факторов-обстоятельств в зависимости от степени несправедливости и наличия общественного консенсуса в плане необходимости их компенсации мерами государственной политики. Во-первых, выделяются генетически обусловленные врожденные таланты и неполноценности. Несправедливость различий в благосостоянии, обусловленных этой группой факторов, является предметом внутреннего спора среди апологетов теории равных возможностей, незавершенного до сих пор и известного как дискуссия о границе ответственности. Одни настаивают на том, что компенсация этих факторов необходима в связи с их неконтролируемостью, а другие считают, что они формируют человеческую индивидуальность и поэтому не нуждаются в компенсации. Вторая группа — факторы социальной дискриминации, ответственные за различия в благосостоянии людей, демонстрирующих одинаковую производительность. Типовые примеры факторов этой группы — пол, раса, национальность. Несправедливость дискриминации считается общепризнанной, но готовность выделять общественные ресурсы на борьбу с этим явлением сильно варьируется в различных странах. Наконец, есть ряд базовых факторов-обстоятельств, возникающих на ранних стадиях жизни и имеющих значительное влияние на благосостояние индивида в зрелом возрасте. В отношении этой группы существует общественный консенсус как в плане ее несправедливости, так и в плане готовности тратить общественные ресурсы для элиминации их влияния. К таким факторам относится семейный бэкграунд, а также социальные, экономические, культурные и другие параметры того локального пространства, где проходит детство и юность индивида.

Поначалу теория равных возможностей развивалась в рамках социальной философии, однако с начала XXI века началась работа по ее формализации, инструментализации и применению к исследованию насущных социально-экономических проблем. Значительный вклад в разработку математического аппарата внесли Дж. Ремер [Roemer, 1998], Х. Рамос, Д. Ван де Гаер [Ramos, Van de Gaer, 2016], М. Флербей, В. Перагин [Fleurbaey, Peragine, 2012], У. Боссерт [Bossert, 1995], формализовавшие принципы компенсации и естественной награды и исследовавшие их совместимость друг с другом, что открыло возможности к разработке инструментария измерения неравенства возможностей. Большой вклад в разработку методического обеспечения внесли Д. Чекки, В. Перагин [Cecchi, Peragine, 2010], Ф. Феррейра, Ж. Гинью [Ferreira, Gignoux, 2010], Ф. Бургиньон [Bourguignon et al., 2007], Р. Паес де Баррос [Paes de Barros et al., 2009], предложившие и впервые апробировавшие методики изучения неравенства возможностей, используемые теперь многочисленными исследователями по всему миру. Наиболее активно развивается приложение теории равных возможностей к проблеме доходного неравенства и его связи с экономическим ростом [Ибрагимова, Франц, 2020]. Второе по популярности направление — образовательное неравенство [Barone, Ruggera, 2018; Ибрагимова, Франц, 2021b]. Кроме того, в последнее время появились работы по неравенству возможностей в сфере здоровья [Carrieri, Jones, 2018; Brunori et al., 2020].

Изучение бедности с позиций теории равных возможностей мало представлено в мировой науке. Нам удалось найти только одну подобную эмпирическую работу [Perez-Mayo, 2019], она выполнена на данных общеевропейского обследования доходов и условий жизни (EU-SILC, волна 2011 г.)², использовались только данные по Испании. В качестве неконтролируемых индивидом факторов-обстоятельств в анализ были включены: образование, статус занятости, профессиональная группа родителей, материальный стресс в родительской семье, пол индивида. Авторы показали, что в отношении статуса принадлежности к бедным ведущим фактором является материальный стресс в детстве, на втором месте — профессиональная группа отца, на третьем — его образование.

Бедность как значительное снижение благосостояния также может рассматриваться через призму теории равных возможностей. Взгляд на это явление с позиций такого подхода предполагает разграничение детерминант риска бедности на те, которые находятся под контролем самого индивида (например, состав домохозяйства, включая наличие и количество детей; выбранную стратегию на рынке труда), и внешние по отношению к индивиду факторы-обстоятельства, традиционно рассматриваемые в рамках теории равных возможностей, — прежде всего характеристики родительской семьи и локального жизненного пространства, где проходили его детство и юность, а также факторы социальной дискриминации.

Определенные предпосылки к особой актуальности рассматриваемой точки зрения в изучении бедности в Российской Федерации выявлены в работе Н. Е. Тихоновой [Тихонова, 2014], где обсуждается отношение к малоимущим слоям населения в обществе. Автор отмечает, что «отношение к бедным начинает

² European Union Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC) // EuroStat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-union-statistics-on-income-and-living-conditions> (дата обращения: 05.02.2023).

выстраиваться в современном российском обществе, исходя уже не из факта, а из особенностей причин их бедности. Тем самым из „категориального“ оно превращается в „индивидуальное“, связанное с жизненной ситуацией конкретного человека... Одно дело, когда люди оказываются в бедности из-за смерти кормильца семьи, тяжелой болезни кого-то из членов домохозяйства и т. п., а государство не учитывает возникающих при этом рисков бедности и практически не оказывает помощь этим категориям. К таким людям россияне и сегодня в массе своей относятся с сочувствием и жалостью. И совсем другое, когда к бедности приводят алкоголизм и наркомания, а это, судя по всему, происходит все чаще. Таким бедным типичный россиянин отнюдь не склонен сочувствовать и не понимает, почему за счет его благосостояния им надо помогать из бюджетных средств» [там же: 8—9]. Эта позиция созвучна концепции равенства возможностей, ведь она фактически означает, что люди дифференцируют причины бедности на неконтролируемые обстоятельства (тяжелая болезнь индивида или кого-то из родственников) и факторы, связанные с собственным выбором индивида (злоупотребление алкоголем или прием наркотиков), и куда более согласны помогать из общественных фондов тем, кто беден в силу неконтролируемых обстоятельств по сравнению с теми, кто беден из-за собственного поведения.

Следует отметить, что факторы, традиционно находящиеся в фокусе внимания в рамках анализа с позиций теории равных возможностей, а именно — семейный бэкграунд, а также социальные, экономические, культурные и другие параметры того локального пространства, где проходит детство и юность индивида, редко можно встретить в мейнстриме российских работ, посвященных факторному анализу бедности. Как отмечает Е. Д. Слободенюк в работе [Слободенюк, 2016] «российские исследователи имеют консенсус относительно наиболее значимых факторов абсолютной бедности», «факторы бедности „по доходам“ остаются в целом неизменными на протяжении последних полутора десятков лет» и включают такие группы, как социально-демографические характеристики (пол, возраст, тип местности проживания, уровень здоровья); экономические характеристики (уровень образования, характер занимаемой профессионально-должностной позиции, уровень заработной платы); ситуационные и иные характеристики (семейные трагедии, вредные привычки). Кроме того, автор отмечает, что в последние годы усилился риск бедности, связанный с характерным для всего российского общества расширением процесса прекаризации части рабочей силы, в связи с чем относительно новым фактором бедности выступает факт занятия индивидом профессионально-должностных позиций, которые не гарантируют устойчивой занятости и соблюдения трудовых прав. Как видно из приведенной автором классификации, разбиение факторов на группы никак не связано с их контролируемостью.

Более поздние работы в целом следуют этой же схеме. Например, в исследовании А. И. Пишняк и соавторов [Пишняк и др., 2021] в фокусе внимания находится изучение хронических бедных, а в качестве факторов риска хронической бедности рассматриваются пол, возраст, место проживания, семейное положение, образование, занятость. Статья Е. Д. Слободенюк [Слободенюк, 2019] посвящена изучению проблемы глубокой бедности. В анализ включены следующие детерминанты: возраст, состав домохозяйств, тип поселения, пол, а также занятость и по-

ложение на рынке труда. В работе В. А. Аникин и Е. Д. Слободенюк [Аникин, Слободенюк, 2021] рассматривается эволюция роли детерминант риска бедности работающих россиян, используются следующие группы факторов: демографические (пол, возраст, тип местности проживания, состояние здоровья, композиция домохозяйства), уровень образования, качество рабочего места (тип собственника предприятия, продолжительность рабочей недели, наличие/отсутствие контракта и т. п.) и профессиональная группа.

В российском научном сегменте нам удалось найти только одно исследование, посвященное анализу причин доходной стратификации, частично созвучное теории равных возможностей [Каравай, 2018a, 2018b]. Автор пишет о нескольких классах факторов: аскриптивные характеристики, условия социализации и окружение индивидов, характеристики образовательного потенциала, особенности состава домохозяйства. В классе факторов, связанных с условиями социализации и окружением индивидов, учитываются детерминанты, трактующиеся в теории равных возможностей как базовые факторы-обстоятельства — образование родителей и тип поселения, в котором проживал индивид на момент начала обучения в школе. Работа выполнена на данных опроса Института социологии РАН. Опрос проводился в 2015 г., было опрошено 4000 респондентов от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений, репрезентативная общероссийская выборка. Основной метод анализа — мультиномиальная регрессионная модель. Авторы использовали несколько вариантов классификации респондента по доходным слоям. В первом варианте в качестве зависимой переменной рассматривалась шкала из четырех категорий: низкодоходные слои (с доходами ниже 0,75 от страновой медианы распределения среднедушевых доходов в домохозяйствах), медианная группа (0,75—1,25 страновой медианы), среднедоходная группа (1,25—2 страновых медианы) и высокодоходная группа (свыше 2 страновых медиан). Во втором варианте бралась не медиана доходного распределения по стране в целом, а медиана распределения среднедушевых доходов в домохозяйствах типа поселения, в котором проживает респондент. Результаты получились несколько двойственными. При использовании страновой медианы и образование родителей, и тип местности проживания в детстве оказались незначимы в плане риска попадания индивида в низкодоходный слой. Однако при использовании медианы своего типа поселения их роль стала существенной: высшее образование матери и социализация в городах, особенно крупных, заметно повышают шансы индивида не попасть в состав низкодоходных слоев.

Таким образом, потенциал применения теории равных возможностей к изучению бедности в России складывается из нескольких содержательных составляющих.

1. Существуют неконтролируемые индивидом детерминанты индивидуальных достижений, находящиеся в фокусе внимания теории равных возможностей, такие как семейный бэкграунд и характеристики локального жизненного пространства, в котором проходили детство и юность индивида. Они редко принимаются во внимание в эмпирических исследованиях бедности.

2. Включаемые в анализ факторы классифицируются по другим основаниям. Степень их контролируемости не учитывается и не обсуждается.

3. Изменения в восприятии бедности россиянами: ее факторы дифференцируются, а степень одобрения поддержки малоимущих слоев населения из общественных фондов зависит от причины бедности.

Методический инструментарий изучения неравенства возможностей

Применение теории равных возможностей к изучению проблемы бедности не ограничивается перечисленными выше содержательными аспектами. Деление причин индивидуальных достижений на обстоятельства и усилия с дальнейшей дифференциацией обстоятельств по степени их несправедливости значительно влияет на методический инструментарий эмпирических исследований. Первая стадия эмпирических работ в области неравенства возможностей, включающая оценку влияния обстоятельств и, возможно, усилий на индивидуальные достижения обычно осуществляется посредством оценивания регрессионных моделей (линейных, полулогарифмических, логит- или пробит-регрессий в зависимости от типа переменной достижения). Совершенно так же это делается в большинстве исследований, посвященных анализу факторов бедности, в которых основными «рабочими лошадками» являются логит- или пробит-регрессия [Слободенюк, 2016; Аникин, Слободенюк, 2021; Пишняк, 2021]. Однако в работах по неравенству возможностей есть и вторая, пострегрессионная стадия, связанная с применением дополнительных инструментов для измерения уровня неравенства возможностей, оценки роли отдельных факторов-обстоятельств, разложения неравенства возможностей на композиционный и ассоциативный эффекты, выявления наиболее уязвимых в отношении возможностей социальных групп (см., например, [Paes de Barros et al., 2009; Perez-Mayo, 2019]).

Первая из перечисленных задач — измерение уровня неравенства возможностей — решается путем измерения неравенства в контрфактическом распределении достижения, которое имело бы место, если бы неравенство возникло только в связи с факторами-обстоятельствами. Такая оценка носит название абсолютной меры неравенства возможностей. Отношение неравенства возможностей к общему неравенству достижения позволяет получить относительную меру неравенства возможностей, то есть вклад неравенства возможностей в неравенство достижения. Выбор конкретного индекса неравенства предопределяется типом переменной достижения. В случае непрерывной переменной наиболее популярны индексы L- и T-индексы Тейла и индекс Джини, в случае бинарной — обычный и модифицированный индексы диссимилиации. Кроме того, в случае непрерывной переменной достижения можно рассчитать и абсолютную и относительную меры неравенства возможностей, в случае качественной — только абсолютную.

Вторая задача — оценка относительной важности факторов-обстоятельств в формировании неравенства возможностей — обычно решается с использованием разложения по Шепли. Этот способ факторной декомпозиции обладает целым рядом привлекательных свойств:

1) универсальность (подходит для разложения практически любой обобщенной статистики, может использоваться с любой регрессионной моделью, работает с любым количеством и типами факторных переменных);

2) интерпретируемость (декомпозиция по Шепли позволяет интерпретировать полученное разложение в интуитивно понятном ключе — как усредненные предельные эффекты);

3) симметричность (независимости от порядка следования факторов);

4) аддитивность (сумма эффектов отдельных факторов в точности равна их суммарному эффекту);

5) группируемость (может проводиться как для отдельных факторов, так и для их пересекающихся подмножеств).

Процедура декомпозиции по Шепли состоит в том, чтобы перебрать все возможные последовательности факторов, оценить предельные эффекты от исключения каждого фактора во всех возможных последовательностях и усреднить предельные эффекты каждого фактора по всем последовательностям. Как следует из описания, декомпозиция по Шепли может быть весьма затратной в вычислительном смысле при использовании большого числа факторных переменных, что и является ее основным недостатком. Более подробное описание декомпозиции по Шепли, включая доказательство свойств симметричности и аддитивности, а также потенциал ее экономических приложений, можно найти в работе Э. Ф. Шоррокса [Shorrocks, 2012].

Третья задача — разложение неравенства возможностей на композиционный и ассоциативный эффекты — реализуется с применением декомпозиции Оаксаки — Блайндера и ее модификаций. Этот способ декомпозиции первоначально (в 80-х годах XX века) был разработан для линейной модели регрессии, но позднее были предложены его модификации для нелинейных моделей, в том числе с качественными результативными показателями. Хороший обзор этого метода и его модификаций можно найти в работе М. Синнинга и соавторов [Sinning et al., 2008].

Декомпозиция Оаксаки — Блайндера позволяет объяснить различия в средних уровнях результативной переменной в двух группах двумя эффектами — эффектом композиции, или эффектом распределения, возникающим в связи с различной структурой факторов, и эффектом ассоциации, или эффектом коэффициентов, появляющимся вследствие различной степени влияния факторов на результативный показатель.

Чаще всего декомпозиция по методу Оаксаки — Блайндера первоначально применялась в работах, посвященных проблемам дискриминации на рынке труда, родственным неравенству возможностей, и до сих пор активно используется в этой области, в том числе в российском научном сегменте [Лукиянова, 2021; Вакуленко, Леухин, 2016].

Четвертая задача — ранжирование социальных типов (социальных групп с одинаковым набором факторов-обстоятельств) от наиболее уязвимых (имеющих наименьшие шансы для достижения высоких результатов) к наименее уязвимым, «профилирование возможностей». В связи с тем, что количество типов может быть достаточно большим при учете значительного количества факторов-обстоятельств, иногда выделяют подмножество наиболее уязвимых групп, составляющих суммарно определенный процент населения. Изучение этой когорты важно, так как позволяет идентифицировать тех, кто не по своей вине, а в связи с внешними обстоятельствами имеет наименьшие шансы для реализации своего потенциала. Так

сделано, например, в работе [Paes de Barros et al., 2009], в которой в шести латиноамериканских странах выделены наиболее социально уязвимые 10% населения в отношении неравенства возможностей по доходам. Отметим, что в исследованиях бедности есть понятие «профиль бедности» [Овчарова, 2014], однако в этот термин вкладывается иное содержание — анализируется распределение бедных по различным характеристикам (пол, возраст, тип местности проживания и т. д.).

Таким образом, взгляд с позиции теории равных возможностей способен обогатить исследования по проблематике бедности не только содержательно, но и методически, за счет применения дополнительных инструментов анализа. Для демонстрации возможностей описанных методических приемов мы проведем анализ проблемы бедности с позиций теории равных возможностей на российских данных.

Информационная база и методика расчетов

Информационная база исследования включает данные социологического опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ (волна 2011 г.). Использование в работе данных РМЭЗ именно 2011 г. связано с тем, что это последняя волна опроса, в которой помимо данных о численности, половозрастной структуре, доходах домохозяйства и регионе проживания, необходимых для определения принадлежности домохозяйства и его членов к бедным слоям населения, доступна информация об образовании родителей респондента. Учет образования родителей в качестве прокси семейного бэкграунда является практически стандартом де-факто в исследованиях по неравенству возможностей. Помимо образования родителей, в нашей работе также принимаются во внимание следующие неконтролируемые обстоятельства: пол индивида, место рождения (город/село) и национальность. Описательная статистика по факторам-обстоятельствам приведена в таблице 1. Общий объем наблюдений — 17 024 респондентов, объем наблюдений после применения критериев включения и удаления данных с пропусками в используемых переменных составил 4086.

Таблица 1. *Описательная статистика используемых в работе переменных*

Фактор	Категория	РМЭЗ	
		Н, человек	%
Максимальный уровень образования родителей	осн. общ. образование и меньше	1742	42,63
	общее среднее образование	737	18,04
	среднее проф. образование	827	20,24
	высшее и более	780	19,04
Место рождения	город	2140	52,37
	село	1946	47,63
Национальность	русский	3424	83,80
	другое	662	16,20
Пол	мужской	1697	41,53
	женский	2389	58,47

Источник: вычисления авторов.

Существует много подходов к отнесению индивидов к бедным слоям населения. При этом получающиеся с применением различных подходов множества бедных могут значительно отличаться (см., например, Овчарова, 2014; Тихонова, 2014)]. В связи с этим для проверки устойчивости результатов мы использовали несколько вариантов определения принадлежности индивидов к бедным: во-первых, абсолютный монетарный (на базе прожиточного минимума) подход; во-вторых, относительный монетарный подход с двумя разными границами бедности (50 % и 60 % от медианы распределения эквивалентного дохода, как предлагается экспертами Организации экономического сотрудничества и развития [OECD, 2017]). Для расчета эквивалентного дохода мы использовали методику, описанную в тех же рекомендациях OECD, в которых предлагается формула

$$DI_{ij} = Y_i / (S_i^\epsilon),$$

где DI_{ij} — эквивалентный доход j -го индивида, входящего в состав i -го домохозяйства,
 Y_i — доход i -го домохозяйства,
 S_i — число индивидов в i -м домохозяйстве,
 ϵ — коэффициент эластичности, равный 0,5.

Таким образом, в нашей работе мы выполнили расчеты для трех вариантов определения границы бедности:

- 1) абсолютный подход с применением публикуемой Росстатом величины прожиточного минимума для разных категорий населения (краткое обозначение — Абс.);
- 2) относительный подход с применением шкалы эквивалентности по OECD и границы бедности, составляющей 50 % от медианы (Отн_OECD_50);
- 3) относительный подход с применением шкалы эквивалентности по OECD и границы бедности, составляющей 60 % от медианы (Отн_OECD_60).

Таблица 2. Число и процент респондентов, относящихся к бедным слоям населения с применением различных подходов

Метод определения границы бедности	РМЭЗ	
	N	%
Абс.	808	19,72
Отн_OECD_50	622	15,22
Отн_OECD_60	948	23,20

Источник: составлено авторами.

Официальная статистика Росстата дает уровень бедности в 12,7 % в 2011 г., наша оценка по данным РМЭЗ получилась ощутимо выше — 19,72 %. Однако такое расхождение официальных оценок и оценок, полученных по данным социологических опросов, отмечают и другие исследователи [Овчарова и др., 2014].

В связи с тем, что исследования в проблемном поле неравенства возможностей достаточно интенсивно ведутся практически по всему миру, разработано довольно много методик измерения, однако большинство из них ориентированы на непрерывную переменную достижения. В работе Ф. Чавес-Хуареса и И. Соло-

ага [Chávez-Juárez, Soloaga, 2014] предложена методика для оценки неравенства возможностей в случае бинарной переменной достижения, которую мы и использовали. Преимущество данной методики заключается в том, что для оценки неравенства возможностей нужны данные только о факторах-обстоятельствах, информация об индивидуальных усилиях не требуется. Это весьма важный момент, так как, во-первых, усилия довольно часто ненаблюдаемы (по крайней мере, при сборе данных путем социологического опроса), и, во-вторых, они частично могут зависеть от факторов-обстоятельств, а это еще дополнительно усложняет расчеты. Описываемая методика довольно проста, но весьма популярна среди исследователей. Примеры ее применения можно найти в упомянутых выше работах [Paes de Barros et al., 2009; Perez-Mayo, 2019].

На первой стадии используется регрессионный анализ, а именно оценивается бинарная пробит-регрессия индивидуального достижения на факторы-обстоятельства. В нашем случае зависимая переменная, используемая в регрессии, принимала значение 1, если индивид не попадал в когорту бедных, 0 — если он в нее попадал. На второй стадии для оценки уровня неравенства возможностей рассчитываются прогнозные значения \hat{p} вероятности принятия бинарной результативной переменной значения равного 1. Далее по распределению прогнозных значений рассчитывается модифицированный индекс диссимилиации (MDI), представляющий собой абсолютную меру неравенства возможностей.

Для оценки вклада отдельных факторов реализуется декомпозиция по Шепли. Декомпозиция по методу Оаксаки — Блайндера используется для объяснения различий в уровнях неравенства возможностей (в нашем случае — в уровнях MDI) в группах путем выделения композиционного и ассоциативного эффекта. Группы можно формировать по любому качественному признаку, однако сравнение групп производится попарно. Мы продемонстрируем применение декомпозиции Оаксаки — Блайндера для изучения территориальной дифференциации неравенства возможностей, поэтому в качестве группировочного признака будем использовать тип территории проживания (крупный город — областной центр, город или поселок городского типа, село). Таким образом, в случае трех групп можно составить три пары.

На первом этапе производится оценка неравенства возможностей в каждой из двух сравниваемых групп: $MDI(A)$ и $MDI(B)$. Эти меры зависят, во-первых, от распределения факторов-обстоятельств в группах (X_A и X_B), во-вторых, от коэффициентов регрессии, полученных в результате оценки пробит-моделей (b_A , b_B). Поэтому $MDI(A) = MDI(X_A, b_A)$, $MDI(B) = MDI(X_B, b_B)$.

На втором этапе оцениваются два контрфактических неравенства возможностей: $MDI(X_B, b_A)$ и $MDI(X_A, b_B)$. $MDI(X_B, b_A)$ — это неравенство возможностей, которое имело бы место, если бы структура факторов-обстоятельств соответствовала группе B, а их роль — группе A. $MDI(X_A, b_B)$ — это неравенство возможностей, которое имело бы место, если бы структура факторов-обстоятельств соответствовала группе A, а их роль — группе B. Тогда $\Delta_{comp} = MDI(X_B, b_A) - MDI(X_A, b_A)$ — это абсолютный композиционный эффект, $\Delta_{ass} = MDI(X_A, b_B) - MDI(X_A, b_A)$ — это абсолютный ассоциативный эффект. Для оценки относительного композиционного θ_{comp} (ассоциативного θ_{ass}) эффектов абсолютный композиционный Δ_{comp} (ассоциативный Δ_{ass})

эффект мы делили на сумму обоих абсолютных эффектов $\Delta_{\text{асс}} + \Delta_{\text{комп}}$. Во всех парах групп в качестве группы А использовалась та, где неравенство возможностей было меньше.

Социальные типы ранжировались от наиболее уязвимых к наименее уязвимым (профилирование возможностей) следующим образом. В силу качественного характера всех факторов-обстоятельств (образование родителей — 4 градации, пол — 2 градации, место рождения — 2 градации, национальность — 2 градации) в нашей работе можно выделить 32 социальных типа. Для каждого социального типа, представляющего собой уникальное сочетание значений факторов-обстоятельств, рассчитывалось прогнозируемое значение вероятности непопадания индивида в когорту бедных (\hat{p}), а также его доля в популяции. Далее социальные типы ранжировались в порядке возрастания \hat{p} . Таким образом, наиболее уязвимые в отношении риска бедности социальные типы располагались в верхней части списка.

Результаты и дискуссия

Результаты оценки бинарной пробит-регрессии на факторы-обстоятельства по данным РМЭЗ при разных методах определения границы бедности приведены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Фактор	Категория	Абс	Отн_OECD_50	Отн_OECD_60
Максимальный уровень образования родителей	Основное общее образование и меньше	баз.	баз.	баз.
	Общее среднее образование	0,0001	0,1191*	0,0855
	Среднее проф. образование	0,1262**	0,2437***	0,2064***
	Высшее и более	0,4457***	0,5470***	0,4975***
Место рождения	Город	баз.	баз.	баз.
	Село	-0,1755***	-0,1870***	-0,2705***
Национальность	Русский (баз.)	баз.	баз.	баз.
	Другое	0,0202	-0,0962	-0,0352
Пол	Мужской	баз.	баз.	баз.
	Женский	-0,0198	-0,065	-0,0513
Константа		0,8367	1,0912	0,7938
pseudo-R ²		0,0191	0,0270	0,0290
p		0,0000	0,0000	0,0000

Источник: вычисления авторов.

Примечание. *, **, *** — значимость на 10-, 5- и 1-процентном уровне.

Как следует из таблицы 3, рассматриваемые факторы имеют ожидаемое влияние на вероятность непопадания в когорту бедных. Наличие среднего профессионального или высшего образования у родителей достоверно снижает риск бедности в следующем поколении, а рождение в селе — значимо увеличивает его.

Национальность и пол не имеют большого значения. Результаты оценки неравенства возможностей и вклада в него отдельных факторов-обстоятельств приведены в таблице 4.

Таблица 4. **Результаты декомпозиции по Шепли**

	Абс	Отн_OECD_50	Отн_OECD_60
Абсолютный уровень неравенства возможностей	0,0856	0,0893	0,1247
Вклад отдельных факторов-обстоятельств			
Максимальный уровень образования родителей	53,25	54,52	45,61
Место рождения	42,23	37,13	49,25
Пол	1,87	5,57	4,79
Национальность	2,64	2,79	0,35

Источник: вычисления авторов.

Как следует из таблицы 4, образование родителей и место рождения индивида — ведущие факторы в отношении риска бедности в следующем поколении. Вариация уровня бедности и неравенства возможностей в отношении бедности приведена в таблицах 5—6.

Таблица 5. **Территориальная вариация уровня бедности**

Метод определения границы бедности		Тип местности проживания			ИТОГО
		Областной центр	Город/ПГТ	Село	
Абс.	Абс., чел.	159	246	403	808
	Отн. %	11,16	17,40	32,32	19,77
Отн_K_50	Абс., чел.	91	184	347	622
	Отн. %	6,39	13,01	27,83	15,22
Отн_OECD_50	Абс., чел.	91	194	337	622
	Отн. %	6,39	13,72	27,02	15,22
Отн_K_60	Абс., чел.	166	277	457	900
	Отн. %	11,65	19,59	36,65	22,03
Отн_OECD_60	Абс., чел.	170	317	461	948
	Отн. %	11,93	22,42	36,97	23,20

Источник: вычисления авторов.

Таблица 6. **Вариация уровня неравенства возможностей в отношении риска бедности (MDI) по территориям проживания**

Метод определения границы бедности	Тип местности проживания		
	Крупный город — областной центр	Город или ПГТ	Село
Абс.	0,1307	0,1891	0,1107
Отн_OECD_50	0,0605	0,1977	0,1415
Отн_OECD_60	0,1426	0,2514	0,1688

Источник: вычисления авторов.

Как видно из таблицы 6, уровень неравенства возможностей в отношении бедности значительно варьируется по типам поселения. Самый высокий уровень неравенства возможностей в отношении бедности зафиксирован в небольших городах и поселках городского типа, самый низкий — в крупном городе — областном центре.

Наблюдающиеся различия в уровне неравенства возможностей в территориальных образованиях разного типа могут быть связаны, во-первых, с различиями в структуре населения (композиционный эффект), во-вторых, с разной силой влияния факторов-обстоятельств на риск бедности (ассоциативный эффект). Декомпозиция по методу Оаксаки — Блайндера позволяет разложить общий дифференциал неравенства возможностей на ассоциативный и композиционный эффекты (см. табл. 7—9).

Таблица 7. Композиционный и ассоциативный эффекты при сравнении крупного города-областного центра и города или ПГТ

Метод определения границы бедности	Δ_{comp}	Δ_{ass}	θ_{comp} , %	θ_{ass} , %
Абс.	-0,0011	0,0729	-18,43	118,43
Отн_OECD_50	-0,0067	0,1363	-5,21	105,21
Отн_OECD_60	0,0003	0,1229	0,22	99,78

Источник: вычисления авторов.

Как видно из таблицы 7, более высокий уровень неравенства возможностей в городе и ПГТ по сравнению с крупным городом — областным центром практически полностью связан с более значительным влиянием факторов-обстоятельств на риск бедности.

Результаты декомпозиции по методу Оаксаки — Блайндера при сравнении села и города или ПГТ приведены в таблице 8.

Таблица 8. Композиционный и ассоциативный эффекты при сравнении села и города или ПГТ

Метод определения границы бедности	Δ_{comp}	Δ_{ass}	θ_{comp} , %	θ_{ass} , %
Абс.	0,0299	0,0498	37,53	62,47
Отн_OECD_50	0,0346	0,0701	33,05	66,95
Отн_OECD_60	0,0358	0,0632	36,19	63,81

Источник: вычисления авторов.

Из таблицы 8 видно, что высокий уровень неравенства возможностей в городе и ПГТ по сравнению с селом примерно на треть объясняется другой структурой населения и на две трети — более значительным влиянием факторов-обстоятельств на риск бедности.

Результаты декомпозиции по методу Оаксаки — Блайндера при сравнении села и крупного города приведены в таблице 9.

Таблица 9. Композиционный и ассоциативный эффекты при сравнении и села и крупного города-областного центра

Метод определения границы бедности	Δ_{comp}	Δ_{ass}	$\theta_{comp}, \%$	$\theta_{ass}, \%$
Абс.	0,0707	-0,0164	130,27	-30,27
Отн_OECD_50	-0,0152	0,1347	-12,78	112,78
Отн_OECD_60	-0,0119	0,0982	-13,83	113,83

Источник: вычисления авторов.

Как показано в таблице 9, сравнительный анализ неравенства возможностей в селах и крупных городах дает неоднозначные результаты. При оценке бедности по абсолютному подходу неравенство возможностей в крупном городе выше, чем в селе, при оценке бедности по относительному подходу — наоборот. Кроме того, сильно разнятся и выводы по декомпозиции Оаксаки — Блайндера (см. табл. 9). В случае абсолютного подхода дифференциал по неравенству возможностей возникает благодаря композиционному эффекту и частично компенсируется благодаря ассоциативному. В случае относительного подхода, наоборот, разрыв в возможностях связан с ассоциативным эффектом и частично компенсируется композиционным.

Сравнительный анализ структуры населения в разрезе включенных в анализ факторов-обстоятельств по территориям проживания приведен в таблице 10.

Таблица 10. Описательная статистика факторов-обстоятельств в разных территориях проживания

Фактор	Категория	Крупный город — областной центр N = 1425		Город или ПГТ N = 1414		Село N = 1247	
		N, чел.	%	N, чел.	%	N, чел.	%
Максимальный уровень образования родителей	Основное общее образование и меньше	461	32,35	593	41,94	688	55,17
	Общее среднее образование	256	17,96	271	19,17	210	16,84
	Среднее проф. образование	309	21,68	309	21,85	209	16,76
	Высшее и более	399	28,00	241	17,04	140	11,23
Место рождения	Город	878	61,61	763	53,96	499	40,02
	Село	547	38,39	651	46,04	748	59,98
Национальность	Русский (баз.)	1202	84,35	1128	79,77	1094	87,73
	Другое	223	15,65	286	20,23	153	12,27
Пол	Мужской	593	41,61	579	40,95	525	42,10
	Женский	832	58,39	835	59,05	722	57,90

Источник: вычисления авторов.

Как видно из таблицы 10, заметные различия в структуре населения между тремя рассматриваемыми территориями проживания наблюдаются в распределении максимального уровня образования родителей и месте рождения, то есть по тем факторам-обстоятельствам, которые вносят основной вклад в неравенство возможностей в отношении риска бедности.

Как показывают расчеты, в плане неравенства возможностей в самом незавидном положении находятся жители небольших городов и поселков городского типа. Именно в поселениях этого типа уровень неравенства возможностей самый высокий, значительно выше, чем в крупных городах и селах. Такая ситуация провоцирует «вымывание» с этих территорий в крупные города той активной части населения, которая стремится добиться продвижения по социальной лестнице за счет собственных усилий. Это приводит к нарастанию разрыва между характеристиками человеческого капитала в крупных городах и небольших городах и ПГТ, и, как следствие, между темпами их развития.

Результаты анализа на выявление наиболее социально уязвимых групп населения в плане неравенства возможностей в отношении риска бедности приведены в таблице 11 и на рисунке 1.

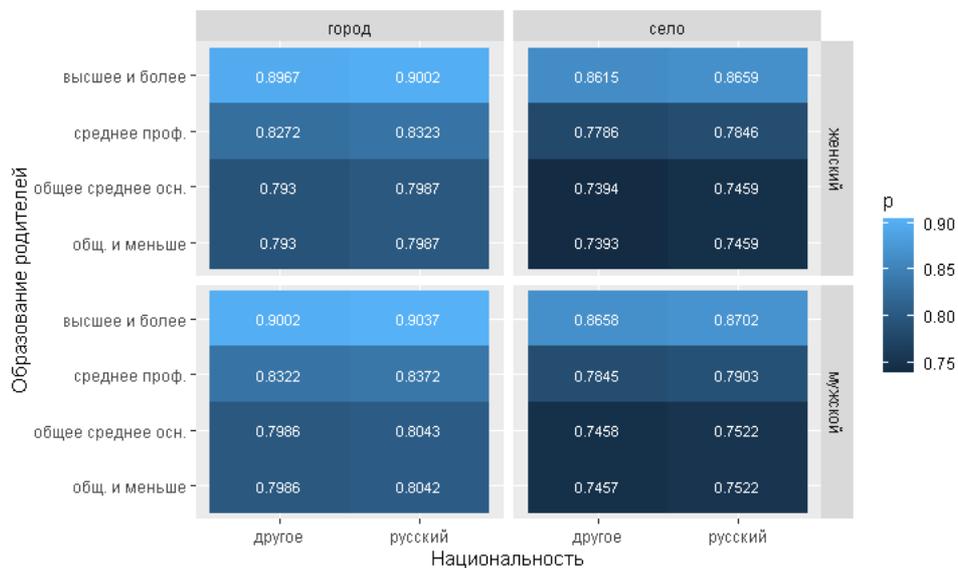
Таблица 11. **Результаты профилирования возможностей**

Образование родителей	Место рождения	Пол	Национальность	ρ	N	%	Куммулятивный %
Осн. общ. и меньше	Село	Женский	Другое	0,7393	116	2,84	2,84
Общее среднее	Село	Женский	Другое	0,7394	51	1,25	4,09
Осн. общ. и меньше	Село	Мужской	Другое	0,7457	85	2,08	6,17
Общее среднее	Село	Мужской	Другое	0,7458	28	0,69	6,85
Осн. общ. и меньше	Село	Женский	Русский	0,7459	528	12,92	19,77
Общее среднее	Село	Женский	Русский	0,7459	144	3,52	23,30
Осн. общ. и меньше	Село	Мужской	Русский	0,7522	383	9,37	32,67
Общее среднее	Село	Мужской	Русский	0,7522	105	2,57	35,24
Среднее проф.	Село	Женский	Другое	0,7786	35	0,86	36,10
Среднее проф.	Село	Мужской	Другое	0,7845	18	0,44	36,54
Среднее проф.	Село	Женский	Русский	0,7846	165	4,04	40,58
Среднее проф.	Село	Мужской	Русский	0,7903	100	2,45	43,02
Осн. общ. и меньше	Город	Женский	Другое	0,7930	54	1,32	44,35
Общее среднее	Город	Женский	Другое	0,7930	31	0,76	45,11
Осн. общ. и меньше	Город	Мужской	Другое	0,7986	48	1,17	46,28
Общее среднее	Город	Мужской	Другое	0,7986	31	0,76	47,04
Осн. общ. и меньше	Город	Женский	Русский	0,7987	324	7,93	54,97

Образование родителей	Место рождения	Пол	Национальность	p	N	%	Куммулятивный %
Общее среднее	Город	Женский	Русский	0,7987	202	4,94	59,91
Осн. общ. и меньше	Город	Мужской	Русский	0,8042	204	4,99	64,90
Общее среднее	Город	Мужской	Русский	0,8043	145	3,55	68,45
Среднее проф.	Город	Женский	Другое	0,8272	36	0,88	69,33
Среднее проф.	Город	Мужской	Другое	0,8322	28	0,69	70,02
Среднее проф.	Город	Женский	Русский	0,8323	256	6,27	76,28
Среднее проф.	Город	Мужской	Русский	0,8372	189	4,63	80,91
Высшее и более	Село	Женский	Другое	0,8615	22	0,54	81,45
Высшее и более	Село	Мужской	Другое	0,8658	12	0,29	81,74
Высшее и более	Село	Женский	Русский	0,8659	94	2,30	84,04
Высшее и более	Село	Мужской	Русский	0,8702	60	1,47	85,51
Высшее и более	Город	Женский	Другое	0,8967	35	0,86	86,37
Высшее и более	Город	Мужской	Другое	0,9002	32	0,78	87,15
Высшее и более	Город	Женский	Русский	0,9002	296	7,24	94,40
Высшее и более	Город	Мужской	Русский	0,9037	229	5,60	100,00

Источник: вычисления авторов.

Рис. 1. Ранжирование социальных типов по уязвимости в плане неравенства возможностей в отношении бедности³

³ Источник: вычисления авторов.

Как следует из таблицы 11 и рисунка 1, шансы не попасть в когорту бедных значительно варьируются в зависимости от сочетания значений факторов-обстоятельств — от 0,7393 в самой уязвимой группе до 0,9037 в наименее уязвимой. Наиболее уязвимые социальные типы формируются из индивидов, рожденных в селе, с низким уровнем образования родителей. Самым многочисленным из уязвимых социальных типов является сочетание следующих значений факторов-обстоятельств: образование родителей — основное общее и меньше, место рождения — село, пол — женский, национальность — русский (12,92%). Наличие высшего образования у родителей является отличительной чертой наименее уязвимых в отношении возможностей социальных типов.

Представляется, что взгляд на проблему бедности с позиций теории равных возможностей открывает новые горизонты как в содержательном отношении, так и в методологическом. На содержательном уровне этот подход позволяет внедрить в анализ категории справедливости и ответственности, разграничивая причины бедности на неконтролируемые обстоятельства, за которые индивида нельзя считать ответственным, и факторы-усилия, находящиеся в зоне персональной ответственности. Такое видение требует уделять основное внимание «несправедливо бедным», то есть тем, кто не по своей вине, не в силу собственного поведения и выбора, а в связи с внешними обстоятельствами попадает в малоимущие слои населения. Как следствие, меняются приоритеты в борьбе с бедностью — помимо традиционного субсидирования бедных слоев населения требуется выстраивать механизмы компенсации влияния неконтролируемых факторов-обстоятельств на риск попадания индивидов за черту бедности, выравнивая возможности для всех в плане обеспечения собственного благосостояния на уровне, превышающем ту черту, за которой уровень благосостояния уже не обеспечивает базовые человеческие потребности.

Кроме того, такие пострегрессионные аналитические «фишки», широко применяющиеся в исследованиях по неравенству возможностей, как декомпозиция по Шепли, разложение Оаксаки — Блайндера, профилирование возможностей, также могут «подсветить» интересные аспекты в проблематике бедности. Однако развитию этого направления мешает ограниченность информационной базы. По результатам метаанализа исследований оценки неравенства возможностей в мире [Ибрагимова, Франц, 2021а] выявлено, что образование родителей включается в анализ в 94,62% случаев, пол — 93,48%, место рождения (город/село) — 62,61%, профессиональный статус родителей — 54,67%, регион рождения — 26,06%, страна рождения — 22,31%, национальность — 21,53%, экономический статус родительской семьи — 15,86%. Таким образом, пол и образование практически обязательны. И если пол доступен в данных почти любого опроса, то с образованием родителей все гораздо сложнее. В российском научном сегменте можно выделить два источника данных в свободном доступе, использующихся для изучения широкого круга общественных проблем — РМЭЗ НИУ ВШЭ и выборочные обследования, проводимые Росстатом (например, ОБДХ, ВНДН). В РМЭЗ НИУ ВШЭ открытые данные об образовании родителей есть лишь в двух волнах исследования — 2006 и 2011 гг. (в связи с чем нам и пришлось использовать в работе довольно старые данные), в опроснике 2018 г. вопрос также име-

ется, однако в доступном наборе данных этот показатель отсутствует. В опросниках ОБДХ и ВНДН мы не нашли вопроса об образовании родителей ни разу за все годы их проведения.

Есть и другая проблема информационной базы, свойственная не только для российского сегмента, но и для мировой науки в целом. В исследованиях по неравенству возможностей обычно используются данные общенациональных социологических опросов с большим количеством наблюдений, однако не ориентированных собственно на задачу оценки неравенства возможностей. Поэтому включаемый в анализ набор факторов-обстоятельств определяется по принципу «что есть в данных». При таком подходе многое неизбежно оказывается «за кадром».

В рамках работы над грантом нашей командой был проработан вопрос «идеальных» данных для исследований по неравенству возможностей и предложен соответствующий социологический инструментарий, включая анкету для опроса респондентов, ориентированную под задачу оценки неравенства возможностей [Бухарбаева и др., 2019]. Кроме того, мы апробировали предложенный инструментарий, проведя небольшой опрос родителей студентов двух вузов⁴. Собранные данные были использованы для оценки ценности нескольких дополнительных факторов семейного бэкграунда (состав родительской семьи, включая ее полноту и количество детей, а также психологическую атмосферу в родительской семье) в дополнение к базовому набору (пол, тип населенного пункта — места рождения индивида, максимальный уровень образования и максимальный профессиональный статус его родителей) в плане изучения неравенства возможностей в отношении доходов. Получилось, что лишь один фактор — полнота родительской семьи — оказался по-настоящему ценным. Во-первых, он относительно независим от базовых факторов; во-вторых, обеспечивает заметный прирост к оценке неравенства возможностей; в-третьих, по относительной значимости в плане вклада в неравенство возможностей он стабильно занимает высокое второе место. Однако имеет ли он такое же значение в плане бедности — открытый вопрос. Проблемы бедности и неравенства, хоть и родственны, тем не менее их нельзя считать тождественными в связи с тем, что, во-первых, при изучении неравенства в фокусе внимания находится все распределение доходов, при изучении бедности — лишь его нижняя часть. В-вторых, при изучении неравенства доходов объектом является индивид и его личный доход (общий или трудовой), в то время как при изучении бедности в фокусе внимания находятся домохозяйство и его совокупный доход, скорректированный на размер домохозяйства. По этой причине значимость факторов-обстоятельств в формировании неравенства и риска бедности может различаться. Это подтверждает и работа И. Перес-Майо [Perez-Mayo, 2019], выполненная на испанских данных. В ней показано, что основными факторами-обстоятельствами в отношении эквивалентного дохода домохозяйства являются образование и профессиональная группа отца и образование матери. В случае личного дохода огромное значение приобретает пол, на втором ме-

⁴ Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. База данных социологического опроса для оценки неравенства возможностей в Республике Башкортостан. Свидетельство о регистрации базы данных 2022622377, заявка № 2022621469 от 23.06.2022.

сте — материальный стресс в детстве и профессиональная группа отца. В отношении статуса принадлежности к бедным ведущий фактор — материальный стресс в детстве, на втором месте — профессиональная группа отца, на третьем — его образование. Таким образом, значимость и относительная важность факторов-обстоятельств сильно меняется при переходе от одного индикатора индивидуального достижения к другому.

Вышесказанное свидетельствует о том, что исследования в проблемном поле неравенства возможностей в отношении бедности правильнее было бы начинать с формирования ориентированной под задачу информационной базы. В связи с этим определенные преимущества приобретают исследовательские коллективы, которые имеют ресурсы для проведения собственных социологических опросов или возможности для включения дополнительных вопросов в уже существующие проекты.

Заключение

В работе сделана попытка изучить проблему бедности с позиций теории равных возможностей. Установлено, что такой взгляд способен обогатить исследования в проблемном поле бедности как содержательно, так и методологически. В содержательном плане это означает включение новых факторов риска бедности, а также их анализ с точки зрения контролируемости индивидом. Методологическую ценность представляют такие широко применяемые в эмпирических исследованиях инструменты, как декомпозиция по Шепли, разложение по методу Оаксаки — Блайндера, профилирование возможностей.

Основным препятствием для развития этого направления является ограниченность информационной базы. Существующие наборы данных, традиционно используемые в российском сегменте для эмпирического изучения бедности, редко содержат данные по факторам, необходимым для изучения неравенства возможностей, а если и содержат, то в очень ограниченном объеме.

С практической точки зрения анализ бедности с позиций теории равных возможностей интересен тем, что приводит к смещению акцентов, выделяя несправедливый компонент и обосновывая необходимость формировать механизмы компенсации влияния неконтролируемых факторов-обстоятельств на риск попадания индивидов за черту бедности.

Список литературы (References)

Аникин В. А., Слободенюк Е. Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 23—41. <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603>.

Anikin V. A., Slobodenyuk E. D. (2021) In-Work Poverty in Russia: How Determinants Have Changed over the 20 Years? *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9. No. 4. P. 23—41. <https://www.doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603>. (In Russ.)

Бухарбаева Л. Я., Егорова Ю. В., Ибрагимова З. Ф., Комлева Р. Н., Чурсина К. В., Франц М. В. Оценка неравенства возможностей в республике Башкортостан: программа исследования. Уфа: Азтерна, 2019.

Bukharbayeva L. Ya., Egorova Yu.V., Ibragimova Z. F., Komleva R. N., Chursina K. V., Frants M. V. (2019) Assessment of inequality of opportunities in the Republic of Bashkortostan: Research Program. Ufa: Aeterna. (In Russ.)

Вакуленко Е., Леухин Р. Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 121—142.
Vakulenko E., Leukhin R. (2016) Wage Discrimination Against Foreign Workers in Russia. *Economic Policy*. Vol. 11. No. 1. P. 121—142. (In Russ.)

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 624—652. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404>.
Ibragimova Z., Frants M. (2020) Inequality of Opportunities: Interpretation, Methods and Problems of Estimation. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 624—652. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404>. (In Russ.)

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Измерение неравенства возможностей в отношении доходов: структурированный обзор и метаанализ // Прикладная эконометрика. 2021а. Т. 61. С. 89—109. <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-61-89-109>.

Ibragimova Z., Frants M. (2021a) Measuring Income Opportunity Inequality: A Structural Review and Meta-analysis. *Applied Econometrics*. Vol. 61. P. 89—109. <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-61-89-109>. (In Russ.)

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021b. № 2. С. 43—62. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-43-62>.
Ibragimova Z., Frants M. (2021b) Inequality of Educational Opportunity in Soviet and Post-Soviet Russia: An Empirical Analysis. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 43—62. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-43-62>. (In Russ.)

Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: методология анализа и роль аскриптивных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1. С. 23—36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5735>.

Karavay A. V. (2018a) Factors of Income Stratification of Russian Society: Methodology of the Analysis and Role Ascriptive Characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 6. No. 1. P. 23—36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5735>. (In Russ.)

Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: роль структурных барьеров на пути восходящей доходной мобильности. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 2. С. 34—51. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5735>.

Karavay A. V. (2018b) Factors of Income Stratification of Russian Society: Methodology of the Analysis and Role Ascriptive Characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 6. No. 1. P. 23—36. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5855>. (In Russ.)

Лукьянова А. Л. Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 88—117. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-88-117>.

Lukyanova A. L. (2021) Digitalization and the Gender Wage Gap in Russia. *Economic Policy*. Vol. 16. No. 2. P. 88—117. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-88-117>. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.

Ovcharova L. N., Burdyak A. Ya., Pishnyak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014) Dynamics of Russian Households Monetary and Non-monetary Features: Analytical Report. Moscow: Liberal Mission Fund. (In Russ.)

Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А., Горяйнова А. Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>.

Pishnyak A. I., Khalina N. V., Nazarbaeva E. A., Goriainova A. R. (2021) The Level and the Profile of Persistent Poverty in Russia. *The Journal of the New Economic Association*. Vol. 50. No. 2. P. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения и запросы к социальной политике // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 26—38. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6797>.

Slobodenyuk E. D. (2019) Deep Poverty in Russia: The Specifics of the Objective and Subjective Poor and Their Requests for Social Policy. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. No. 4. P. 26—38. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6797>. (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3—4. С. 82—92. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>.

Slobodenyuk E. D. (2016) Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. No. 3—4. P. 82—92. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2016-00017>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7—19.

Tikhonova N. E. (2014) The Phenomenon of Poverty in Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 1. P. 7—19. (In Russ.)

Arneson R. (1989) Equality and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophical Studies*. Vol. 56. No. 1. P. 77—93.

Arneson R. (1990) Liberalism, Distributive Subjectivism, and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 19. No. 2. P. 158—194.

Barone C., Ruggera L. (2018) Educational Equalization Stalled? Trends in Inequality of Educational Opportunity between 1930 and 1980 across 26 European Nations. *European Societies*. Vol. 20. No. 1. P. 1—25.

Bossert W. (1995) Redistribution Mechanisms Based on Individual Characteristics. *Mathematical Social Sciences*. Vol. 29. No. 1. P. 1—17.

Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. (2007) Inequality of Opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*. Vol. 53. No. 4. P. 585—618.

Brunori P., Trannoy A., Guidi C. F. (2020) Ranking Populations in Terms of Inequality of Health Opportunity: A Flexible Latent Type Approach. *Health Economics*. Vol. 30. No. 2. P. 358—383. <https://doi.org/10.1002/hec.4185>.

Carrieri V., Jones A. M. (2018) Inequality of Opportunity in Health: A Decomposition-Based Approach. *Health Economics*. Vol. 27. No. 12. P. 1981—1995.

Chávez-Juárez F. W., Soloaga I. (2014) IOP: Estimating Ex-Ante Inequality of Opportunity. *Stata Journal*. Vol. 14. No. 4. P. 830—846.

Checchi D., Peragine V. (2010) Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*. Vol. 8. No. 4. P. 429—450.

Cohen G. (1989) On the Currency of Egalitarian Justice. *Ethics*. Vol. 99. No. 4. P. 906—944.

Dworkin R. (1981a) What is Equality? Part 1: Equality of Welfare. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 10. No. 3. P. 185—246.

Dworkin R. (1981b) What is Equality? Part 2: Equality of Resources. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 10. No. 4. P. 283—345.

Ferreira F., Gignoux J. (2011) The Measurement of Inequality of Opportunity: Theory and an Application to Latin America. *Review of Income and Wealth*. Vol. 57. No. 4. P. 622—657.

Fleurbaey M., Peragine V. (2012) Ex Ante Versus Ex Post Equality of Opportunity. *Economica*. Vol. 80. No. 317. P. 118—130.

Organisation for Economic Co-operation and Development (2017) Terms of Reference OECD Project on the Distribution of Household Incomes. 2017/18 Collection.

Paes de Barros R., Ferreira F. H. G., Molinas Vega J. R., Saavedra Chanduvi J., De Carvalho M., Franco S., Freije-Rodríguez S., Gignoux J. (2009) Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean. Basingstoke, Hants.; Palgrave Macmillan; New York, NY: World Bank.

Perez-Mayo J. (2019) Inequality of Opportunity, a Matter of Space? *Regional Science Policy and Practice*. Vol. 11. No. 1. P. 71—87. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12181>.

Ramos X., Van de Gaer D. (2016) Approaches to Inequality of Opportunity: Principles, Measures and Evidence. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 30. No. 5. P. 855—883.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Roemer J. (1998) *Equality of Opportunity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Shorrocks A. F. (2012) Decomposition Procedures for Distributional Analysis: a Unified Framework Based on the Shapley Value. *The Journal of Economic Inequality*. Vol. 11. No. 1. P. 99—126.

Sinning M., Hahn M., Bauer T. K. (2008) The Blinder — Oaxaca Decomposition for Non-linear Regression Models. *The Stata Journal*. Vol. 8. No. 4. P. 480—492. <https://doi.org/10.1177/1536867X0800800402>.